

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-506-526

Научная статья

Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении

А.А. Малиновский

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел РФ,
г. Москва, Российская Федерация
Российская академия наук,
г. Москва, Российская Федерация
 Dr.malinovsky@yandex.ru

Аннотация. Концепт «сильное государство» в общей теории государства и права изучен недостаточно обстоятельно. В политологии, науке административного права и в международно-правовых учениях данный концепт рассматривается преимущественно с геополитических, военно-стратегических и политико-управленческих позиций. В представленной статье осуществляется теоретико-правовой анализ концепта сильного государства. В методологическом плане автор придерживается подходов политического реализма и реалистической теории права, которые направлены не на построение модели идеального сильного государства, а на изучение реально функционирующих сильных государств со всеми их достоинствами, проблемами и противоречиями. Под сильным государством предлагается понимать государство, которое эффективно использует любые правовые средства для осуществления возложенных на него функций в собственных политических интересах. В статье в формате научной дискуссии анализируются признаки и критерии сильного государства, характеристики права силы. Предметами исследования также являются: проблема легитимности сильного государства; категория «великая держава» и процесс правовой экспансии.

Ключевые слова: сильное государство, право силы, право меча, доктрина «Большой дубинки», функции государства, великая держава, правовая экспансия

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дата поступления в редакцию: 27 апреля 2021 г.

Дата принятия к печати: 15 июля 2021 г.

Для цитирования:

Малиновский А.А. Концепт «сильное государство» в политико-правовом измерении // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25. № 3. С. 506—526. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-506-526

© Малиновский А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

The concept of “strong state” in the political and legal dimension

Aleksey A. Malinovsky

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University),
Moscow, Russian Federation
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
Dr.malinovsky@yandex.ru

Abstract. The concept of “strong state” in the general theory of state and law has not been studied in sufficient detail. In political science, the science of administrative law and in international legal doctrines, this concept is considered mainly from geopolitical, military-strategic and political-administrative positions. In the presented article, a theoretical and legal analysis of the concept of a strong state is carried out. Methodologically, the author adheres to the approaches of political realism and realistic theory of law, which are aimed not at building a model of an ideal strong state, but at studying really functioning strong states with all their problems and contradictions. It is proposed to understand a strong state as a state that effectively uses any legal means to carry out the functions assigned to it in its own political interests. The article in the format of a scientific discussion analyzes the signs and criteria of a strong state, characteristics of the law of the strong. The research subjects also include the problem of a strong state legitimacy, the category of the great power and the process of legal expansion.

Key words: strong state, law of force, functions of the state, great power, legal expansion

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Article received 27th April 2021

Article accepted 15th July 2021

For citation:

Malinovsky, A.A. (2021) The concept of “strong state” in the political and legal dimension. *RUDN Journal of Law*. 25 (3), 506—526. (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-506-526

Концепт сильного государства: постановка проблемы

Концепт сильного государства с политико-правовой точки зрения имеет несколько аспектов, многие из которых являются дискуссионными. Во-первых, сильное государство, – это такое государство, которое может навязать свою волю гражданам (подданным). Но не просто навязать государственную волю, а добиться безоговорочного выполнения своих требований в точно установленный срок. Вполне очевидно, что в данном случае сильное государство — это эффективное государство, т. е. государство, которое эффективно осуществляет все свои функции. Юридическая логика размышления здесь должна быть следующей. Исходя из классического определения, государство — это политическая организация общества, имеющая монопольное право на насилие и придающая

своим велениям общеобязательный характер для населения всей страны. Если государство теряет монопольное право на принуждение в отношении своих граждан, вполне очевидно, что оно перестает быть эффективным. Если государственные веления (уплата налогов, соблюдение законов и т. п.) исполняются надлежащим образом всем населением, то, видимо, государство следует признать эффективным. Если государство должным образом осуществляет все свои функции, то оно также должно считаться эффективным.

Однако добиться необходимой эффективности можно разными путями: посредством диктатуры либо в рамках полицейского государства или посредством управления обществом на основе права. В этой связи возникает ряд концептуальных вопросов. Является ли любое тоталитарное (авторитарное) государство сильным? Может ли быть слабым государство, формально отвечающее требованиям правового государства, а значит, эффективно управляющее обществом на основе права? Можно ли поставить знак равенства между эффективным и сильным государством или это лишь различные политико-правовые характеристики изучаемого нами феномена?

Второй аспект проблемы касается международно-правового измерения сильного государства. С этой точки зрения сильным государством считается то, которое может навязать свою политическую волю другим государствам и международным организациям, а также всему мировому сообществу. В менее категоричном варианте можно говорить о том, что сильное государство имеет значительное влияние («большой политический вес») на международной арене. Вопрос о том, является ли неоднократное и грубое нарушение государством, действующим в своих интересах, норм и принципов международного права проявлением силы, либо сильное государство не только само должно соблюдать международное право, но и понуждать к этому других акторов международных процессов, не имеет однозначного ответа (Malinovsky & Trikoz, 2020:20—28).

Проанализируем базовые политико-правовые категории анализируемого концепта сильного государства, чтобы попытаться ответить на сформулированные выше вопросы.

По мнению И.В. Понкина, специально исследовавшего этот вопрос, в юриспруденции и политологии разработаны несколько концепций сильного государства. Выделим следующие основные подходы к пониманию его сущности (Ponkin, 2018:55—56).

Первый подход предполагает понимание «сильного государства» как государства, обладающего таким потенциалом и количеством ресурсов, которое позволяет ему получить наибольший вес на международной арене и возможности давления на другие государства.

Второй подход понимает под «сильным государством» такое государство, которое широко использует методы принуждения и подавления в отношении своих граждан, и его сила заключается, в первую очередь, в способности подавлять сопротивление населения действиями властей (это, как правило, государство, в котором реализован антидемократический политический режим).

Третий подход видит под «сильным государством» государство, в существенной степени контролирующее общество.

Четвертый подход трактует «сильное государство» как государство с сильной процветающей и устойчивой экономикой.

Пятый подход, согласно которому под «сильным государством» понимается демократическое государство с устойчивым гражданским обществом, все основные принципы которого надлежащим образом соблюдаются и обеспечиваются.

Обобщая эти подходы, отметим, что под «сильным государством» правоведы и политологи понимают: сверхдержаву (первый подход); тоталитарное или авторитарное государство, диктатуру (второй и третий подходы); богатое государство (четвертый подход); демократическое правовое государство (пятый подход).

Таким образом, политико-правовые мыслители пытаются выразить суть концепта сильного государства через другие, более известные науке признаки. С одной стороны, это вроде бы не противоречит юридической логике. Вполне очевидно, что империи и диктатуры (например, Римская империя, фашистская Германия) — это сильные государства, которые эффективно осуществляли контроль не только над своими гражданами, но и над другими покоренными народами. Однако, с другой стороны, при таком подходе не видны некоторые существенные моменты анализируемого концепта. Образно выражаясь с небольшой долей юмора, можно сказать, что и снег, и лед — это просто замерзшая вода, то есть фактически одно и то же явление. Но достаточно упасть сначала на голый лед, а потом в сугроб, чтобы быстро и со всей очевидностью методом «научного сенсуализма» (своим телом) почувствовать существенную разницу между льдом и снегом.

Кроме того, вышеуказанные концепции, как это несложно заметить, обращаются к различным предметам познания. Первый подход анализирует сильное государство как участника внешнеполитических отношений. Второй и третий подходы рассматривают государство с внутривнутриполитической точки зрения. Четвертый подход делает акцент на экономический аспект концепта, а пятый подход — в основном на его политико-правовые признаки. Единственный правильный вывод, который можно сделать, ознакомившись с данными подходами, заключается в том, что концепт сильного государства является сложным и многоаспектным.

Комментируя вышеуказанные концепции, отметим, что во многих из них правильно отмечается институциональная (военная, экономическая, управленческая) мощь государства, его направленность на эффективное выполнение своих функций. Но не в определениях сильного государства, ни в его признаках и характеристиках практически не упоминается юридическая составляющая концепта. Вполне очевидно, что сильное государство должно иметь сильное право.

Сильное право (или право силы) и сильное государство

Сильное право как явление вторично по отношению к сильному государству и представляет собой его юридическую форму, исследуя которую можно проникнуть в самую суть и постичь природу анализируемого концепта.

Первоначально следует четко разграничить роль права в правовом государстве и его роль в сильном государстве. Исходя из теории правового государства, право сдерживает государство, имея верховенство над ним, его государственными органами и должностными лицами. Ограничивая юридическими средствами государство, право (из-за несовершенства последних или по иным причинам) может воспрепятствовать эффективному осуществлению некоторых функций (правоохранительных и регулятивных). Это хорошо, например, с точки зрения соблюдения процессуальных прав отдельных террористов и пиратов, но плохо с позиций охраны правопорядка в целом. В эпоху экономического кризиса право, которое рассчитано на «нормальную» экономическую ситуацию, будет защищать интересы граждан, их права и свободы, и мешать государству спасти бизнес, что неизменно приведет в конечном итоге к ослаблению государства.

В сильном государстве право, а точнее его законодательная форма, представляющая собой нормативно оформленный приказ государства, есть мощнейший социальный регулятор, уполномочивающий государство эффективно осуществлять свои функции. Образно выражаясь, право в контексте правового государства — это цепь, на которой сидит Левиафан без меча. Право для сильного государства — это острый меч, которым Левиафан вооружен. В случае необходимости народ вправе вооружить Левиафана более длинным и острым мечом. Левиафан, вооруженный мечом и сидящий на цепи, длину которой только народ может уменьшать или увеличивать — вот идеал сильного государства. Левиафан, разрубивший цепь, теряет общественный контроль, начинает выдавать интересы государства за интересы нации и становится кровавым тираном для тех, кто не разделяет его интересы.

История правовых учений богата различными суждениями великих мыслителей о роли и значении силы в сфере государственного управления. Так, по мнению Т. Гоббса, никто не имеет свободы оказывать сопротивление мечу государства, ибо такая свобода лишает суверена возможности защищать нас и разрушает поэтому саму сущность правления... Хотя люди могут воображать, что такая неограниченная власть должна вести ко многим дурным последствиям, однако отсутствие таковой власти, а именно беспрестанная война всех против всех, ведет к значительно худшим последствиям (Hobbes, 2001:151—159).

Изучая историю права, легко можно заметить, что меч всегда символизировал сильное государство. Так, крылатой стала фраза вождя кельтского племени сенонов Бренна (387 г. до н.э.): «Наше право мы носим на кончиках наших мечей. Сильным принадлежит весь мир!». Со времен римского права до нас дошла категория «*jus gladii*» (лат. «право меча»), обозначающая право власти на применение силы. Богиня правосудия Фемида вооружена мечом, чтобы согласно мифам Древней Греции карать виновных правонарушителей. На основании средневековой доктрины «двух мечей», разработанной католическими мыслителями (в частности, Папой римским Геласием (Gelasius) в конце V в.), считалось необходимым, чтобы основные центры силы в государстве были сосредоточены у светской власти и у церкви (Noskov, 2011).

Что касается современности, то для европейских юристов крылатой стала фраза генерала Ш. де Голля, адресованная министру юстиции Франции Жану

Фойе, о роли и месте права в политике сильного государства: «Сначала Франция (французский народ — прим. автора), потом государство, и наконец, в той мере, в которой возможно обеспечить их высшие интересы, действует право» (Mathieu, 2021:49). Таким образом, в некоторых случаях высшие интересы нации и государства могут иметь приоритет над принципами верховенства права.

Раскрывая юридический аспект концепта сильного государства, следует обратиться к философскому уровню осмысления проблемы через категории «право сильного» и «право власти». Право сильного, как пишет С.С. Алексеев, — это первичный, по своей основе в немалой степени биологический, способ устройства жизни «организованных сообществ». Он образует исходный, начальный блок иерархического построения жизни «организованных существ», в том числе и человеческого сообщества. Право сильного в естественном бытии — суровый, жесткий, порой жестокий, но вместе с тем — природно-нормальный, неизбежный и вполне целесообразный способ первобытной социальной организации (Alekseev, 1998).

В условиях цивилизации право сильного постепенно модифицировалось, шаг за шагом освобождалось от «чисто» биологических свойств и приобретало черты социального явления. В качестве примера эволюции «права сильного» С.С. Алексеев приводит право меча — кулачное право и право войны. Так, по его мнению, право власти знаменует существенное развитие позитивного права. И прежде всего в его прогрессивных характеристиках. Здесь возможное насилие, принуждение прерогативой «одного лица» — политической государственной власти, которая именно как власть не только способна решать дела по усмотрению, но и обременена ответственностью. К тому же возможное насилие и принуждение по мере развития общества все более становится предметом закона и юридической регламентации, приобретая черты правового принуждения.

Вместе с тем право власти — такой юридический феномен, который свидетельствует, что право еще не имеет в полной мере своего собственного бытия, суверенности. По основным своим параметрам оно является орудием или инструментом власти, его прямым выражением и воплощением (Alekseev, 1998).

Проиллюстрируем сказанное следующим примером. Существенное усиление американского государства произошло благодаря практическому применению провозглашенной в 1904—1905 гг. президентом Т. Рузвельтом доктрины «Большой дубинки» (англ. Big Stick diplomacy), согласно которой США вправе применять силу за рубежом в случаях, если это продиктовано их геополитическими, экономическими и иными интересами (расширительная интерпретация доктрины Монро). Закономерным результатом эволюции данной доктрины стала американская концепция «Длинных рук», тесно связанная с судебной доктриной «юрисдикции длинной руки» (англ. Long-arm jurisdiction), которую сформулировал Верховный суд США в деле *International Shoe v. Washington* (326 U.S. 310, 1945). Согласно этой концепции, юрисдикция США распространяется на весь мир. Если какое-либо государство, физическое или юридическое лицо угрожает американской национальной безопасности, то обязанностью соответствующих государственных структур является проведение операции «Возмездие» или привлечение виновного к юридической ответственности на территории США.

В случае, когда какое-либо государство отказывается в экстрадиции «врага Америки», оно автоматически подпадает под санкции. Такой подход привел к тому, что сначала политологи и журналисты, а затем юристы стали называть США «международным жандармом». Однако вполне очевидно, что для того, чтобы «враг Америки», находящийся в пределах иностранной юрисдикции, предстал перед американским судом, США нередко грубо нарушают нормы международного права и национального законодательства других государств. Это и есть американское право силы.

Поскольку применение силы и угроза ее применения прямо запрещены международным правом, американские политики и юристы-международники для легитимации и легализации политики «Большой дубинки» разработали доктрину «Превентивной самообороны». Ее впервые озвучил президент Дж. Буш, когда 12 сентября 2002 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН указал на важную роль «упреждающей самообороны» (Zagainov, 2006:29—45). Данная доктрина должна была оправдать перед международным сообществом и американскими избирателями противоправную внешнюю политику США, представив ее как законную деятельность, направленную на защиту национальных интересов и охрану безопасности США (Farkhutdinov, 2016:23—31). Это очень наглядный пример, который свидетельствует о том, что сильное государство всегда стремится придать правомерность своим наказуемым с юридической точки зрения актам агрессии или массовым нарушениям прав человека.

Однако с теоретической точки зрения важно подчеркнуть, что с позиции сильного государства идеальное право не должно существенно сдерживать и ограничивать государственную власть. Такое право неизменно ослабляет государство. Попробуйте заставить США соблюдать международное право в их отношениях с другими государствами и принцип надлежащей правовой процедуры внутри страны, и очень скоро из сверхдержавы Америка превратится в обычное государство (Malinovsky & Trikoz, 2020:26—29).

Во французском правоведении идея приоритета интересов нации и государства над правом и общественной нравственностью нашла свое отражение в концепции «la raison d'État»¹ (фр. «смысл государства»). Как пишет Бертран Матье, власть для достижения высших целей нации и государства может отступить от концепции правового государства и принять политически целесообразное решение, не основанное на правовых предписаниях (Mathieu, 2021:49).

Последовательно развивая идеи Н. Макиавелли о сильном государстве, апологеты теории «Государственного интереса», мыслители Джованни Ботеро (1544—1617) и Фриндрих Майкене (1862—1954) отмечали, что цель государства состоит в укреплении его могущества, а в сложные периоды — в создании условий выживаемости нации, а не в соблюдении норм нравственности и права (Toupictionnaire, 2021). Данная теория нашла свое отражение в политико-правовых концепциях сильного государства, а также в конституционном праве Германии и Франции (Baev, 2018:74—82; Fedorov, 2018:124—130).

¹ Raison d'Etat. Toupictionnaire: Le dictionnaire de politique. Available at: http://www.toupie.org/Dictionnaire/Raison_etat.htm [Accessed 15th April 2021].

Главная идеологическая задача сильного права — легализовывать и легитимировать любое силовое осуществление внешних и внутренних функций государства, придавая им правомерность, или создавать видимость законности, экономической и политической целесообразности и общественной необходимости в действиях государственной власти. Классическими примерами здесь являются не только США, но и Китай, объявивший о построении «социалистического правового государства с китайской спецификой». «Сильное право» в рамках концепта сильного государства характеризуется следующими признаками.

В идеале цель юридической регламентации должна состоять в таком регулировании общественных отношений, которое направлено на снижение политических рисков, международной напряженности, предотвращение национальных и религиозных конфликтов, кризисов, войн и революций. Однако в реальности самая востребованная цель права — придание легальности и легитимности силовым вариантам осуществления основных функций государства.

Другой признак «сильного права» — политизация сферы правового регулирования. В предмет правового регулирования включаются, прежде всего, политические отношения. Причем регламентируются они строго определенным образом (в соответствии с политической обстановкой конкретно-исторического периода и господствующей идеологией). В законодательстве и правоприменительной практике часто используются такие категории, как «национальная безопасность», «государственные интересы», «политическая целесообразность» и т. д.

Далее, метод правового регулирования направлен на четкое формулирование обязанностей, запретов и дозволений, позволяющих государству эффективно осуществлять свои внутренние и внешние функции. Юридически это выглядит как расширение полномочий и компетенций государственных органов и должностных лиц и ограничение (в основном политических) прав и свобод человека и гражданина. При этом законодательная регламентация содержания конкретных государственных функций специально определяется в общих чертах для того, чтобы предоставить правоприменителю максимальный объем произвольного усмотрения.

Наличие работающего механизма юридической ответственности, который предусматривает корреспондирование санкций любому нарушению запретов и неисполнению обязанностей субъектами политических правоотношений. Меры политической ответственности юридизируются и переводятся в правовую сферу.

На уровне правовой идеологии и действующего законодательства в исключительных случаях (перечень которых не определен) допускается отход от принципов верховенства права при осуществлении государственных функций. Гипертрофированный киношный идеал правового регулирования сильного государства внутри страны и на международной арене — это лицензия на убийство, которая выдается Агенту 007 Джеймсу Бонду для того, чтобы он, защищая демократию по всему миру, мог «без суда и следствия» уничтожить Доктора Зло и всех его приспешников.

В наиболее абстрактном виде «правом сильного» можно назвать нормативно оформленную волю субъекта общественных отношений, потенциал (военный, геополитический, экономический, юридический) которого дает

возможность навязать ее другим участникам общественных отношений и принудить к ее исполнению либо уничтожить «правонарушителя».

Под «сильным правом» предлагается понимать совокупность юридических предписаний, результативно регламентирующих общественные отношения благодаря слаженному механизму государственного принуждения. Сильное право (как и сильное государство) максимально эффективно осуществляет свои функции, в особенности правотворческую, правоисполнительную и правоохранительную.

Несмотря на кажущуюся простоту, данное определение имеет не только академический, но и научно-практический потенциал. Проанализируем конкретный факт. Мэры крупных европейских городов обращаются к женщинам с требованием не выходить в темное время суток из жилища, чтобы не стать жертвой криминального нападения беженцев, так как полиция не сможет их защитить, а в случае ареста и осуждения нападавших весьма вероятны массовые протесты и беспорядки, а также обвинения в адрес государства в расизме и нарушении норм политкорректности. Вполне очевидно, что правоохранительные функции и государства, и права в данном случае осуществляются неэффективно. Этот факт с уверенностью позволяет говорить о заметном ослаблении конкретного государства и несовершенстве его правой системы.

Признаки сильного государства

Зарубежными и отечественными учеными дано множество геополитических, экономических, военно-стратегических и социально-психологических характеристик сильного государства (Fukuyama, 2006; Kerimov & Kuksin, 2018). Однако мы сосредоточим внимание на политико-правовых признаках исследуемого концепта.

Если попытаться обобщить наиболее существенные признаки сильного государства, выявленные современными исследователями, то, по мнению Л.П. Белова (Belov, 2019:119), они могут быть сгруппированы в следующем виде:

1) группа идейно-ментальных признаков, предполагающая наличие нравственного могущества государства, государственную идеологию, цивилизационный код развития своей страны;

2) группа признаков, включающая в себя силу собственно государства как органической надстройки (организации), выражаемая в его полноценном суверенитете, должной устойчивости государственного порядка, в его стабильности и способности эффективно противостоять всем внешним и внутренним вызовам;

3) группа, включающая в себя эффективный потенциал системы публичного управления;

4) группа социально-политических признаков — сильный социальный порядок, легитимная власть, контроль власти со стороны общества, развитие гражданского общества, эффективная политическая коммуникация, независимые СМИ, наличие у власти национально-ориентированной и ответственной элиты;

5) группа политико-правовых признаков — национальный суверенитет страны, независимое и справедливое судопроизводство, демократический порядок ротации власти, политическая ответственность власти;

6) группа, включающая в себя военную мощь страны надлежащей силы и эффективный дипломатический потенциал государства.

Сильное государство, как утверждают зарубежные правоведы, может быть как демократическим, так и авторитарным. Демократическая модель сильного государства является предпочтительной, поскольку такое государство самоограничено в чрезмерном применении силы национальным и международным правом.

Авторитарные правители могут использовать потенциал сильного государства для укрепления своей власти тремя способами. Во-первых, путем подлинной легитимации, посредством получения поддержки со стороны населения, осуществляя должным образом необходимые социальные функции. Во-вторых, путем фальсификации поддержки населения, посредством манипуляций на выборах и контроля средств массовой информации. В-третьих, путем подавления любого политического инакомыслия и судебного преследования представителей оппозиции (Nam van & Seim, 2017:49—66).

С академической точки зрения теоретическое выделение данных моделей сильного государства и их сущностная характеристика заслуживает поддержки. Действительно сильное демократическое правовое государство безопаснее для гражданина, его прав и свобод, чем авторитарное государство. Поэтому их целесообразно различать. Однако с позиций «Realpolitik», когда, например, действующего президента демократической страны отключают от социальных сетей без надлежащей правовой процедуры или когда спецслужбы якобы правового государства в обход демократического парламента создают незаконные тюрьмы для политзаключенных, вышеуказанный подход является наивно-идеалистическим.

В связи с этим с практико-прикладной точки зрения представляется методологически правильным отказаться от дополнительных признаков сильного государства как авторитарного или демократического, прежде всего из-за размытости понятий «авторитаризм» и «демократия» применительно к рассматриваемому концепту.

Сформулируем основные критерии, выявление которых позволит сделать однозначный вывод, что перед нами тот самый объект изучения — «сильное государство».

1. Государственная власть легальна и легитимна. Под легальностью в данном случае понимается законный (как правило, конституционный) способ организации и осуществления власти, а также процесс ее перехода от одного правителя к другому. В отношении слабого государства легальность власти может быть предметом рассмотрения конституционного суда или органа международного правосудия. Легитимность представляет собой полную поддержку народом и в некоторых случаях международным сообществом государства и его международной, экономической, социальной и правовой политики, а также добровольное исполнение гражданами и должностными лицами принимаемых государством законов. При этом важно уточнить, что народ наделяет государство не

только властью издавать законы и принуждать к их исполнению, но и правом нарушать или отменять законы, денонсировать международные договоры, не отвечающие стратегическим интересам государства. Любые масштабные акции гражданского неповиновения, отказ военнослужащих от присяги, наличие революционной ситуации в стране, иностранное вмешательство в дела государства с целью восстановления порядка и конституционного строя свидетельствуют о потере государством своей легитимности.

2. Государственная власть способна на справедливое и эффективное налогообложение бизнеса и граждан. Налоги — это важнейший признак государства, а их собираемость — залог его экономической стабильности. Неспособность государства устанавливать справедливые налоги может привести власть к потере легитимности как максимум и к экономическому кризису или к бегству капитала за границу — как минимум. Отсутствие умелого налогового администрирования, плохая работа по взысканию налоговых недоимок — свидетельство неэффективности государственного управления.

3. Государственная власть способна эффективно осуществлять регулятивную (правотворческую) функцию (оперативно принимать необходимые законодательные акты для правового регулирования наиболее важных общественных отношений). При этом система разделения властей работает четко и слаженно, без парламентских и правительственных кризисов или попыток импичмента президента. Вспомним, во времена президентства Б. Ельцина российский парламент значительно затягивал рассмотрение законопроектов, внесенных президентом, а президент часто налагал вето на неудобные ему с политической точки зрения законопроекты, что неизменно ослабляло государственную власть. Таким образом, длинный перечень первоочередных законопроектов, который можно увидеть на официальном сайте любого парламента, не принятых в установленный срок, отставки правительства и роспуска парламента, попытки импичмента президента — явные показатели того, что в «данном королевстве не все благополучно».

4. Государственная власть способна эффективно осуществлять правоохранительную функцию. Правопорядок в сильном государстве есть свидетельство умелого контроля государством преступности и правового поведения граждан. Высокий уровень преступности, когда преступные группировки по своему могуществу могут конкурировать с государственными органами (террористическая организация «Исламское государство» в Сирии; пираты, орудующие вблизи берегов восточноафриканского государства Сомали; неонацистский вооруженный батальон Азов на Украине), наоборот являются свидетельством существенного ослабления государства. Погромы и уличные беспорядки, с которыми полиция долгое время не может также справиться, красноречиво говорят о неэффективности государства.

Эффективность правосудия и высокая исполнимость судебных решений свидетельствуют о сильной судебной власти, а, следовательно, и о силе государства, учитывая тот факт, что любое судебное решение или приговор выносятся от имени государства. Вполне очевидно, что государство, в котором большинство законных и обоснованных решений, например, по принудительному

взысканию алиментов или задолженностей по квартирной плате не исполняются, вряд ли можно назвать эффективным.

Разумеется, вышеуказанный перечень можно уточнять до бесконечности. Здесь указан лишь *minimum minimumum* тех критериев сильного государства, которые детерминированы общетеоретической дефиницией государства и учением о его функциях. Юридической доктриной (Кравченко, 2015:358—365) и действующим законодательством (например, Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации») разработаны различные критерии эффективного государства, которые также можно использовать при теоретико-правовом исследовании анализируемого концепта.

Великая держава как сильное государство

Важной стороной концепта сильного государства является его внешнеполитическое измерение, которое во многом детерминирует международно-правовые аспекты анализируемого феномена. Речь в данном случае идет о категории «великая держава», в рамках которой политология, юриспруденция и наука международных отношений рассуждают о роли сильных государств в мировом правопорядке.

Как указывается в Дипломатическом словаре, термин «великие державы» обозначает наиболее мощные государства, играющих ведущую роль на международной арене². Со времени Венского конгресса 1815 г. так назывались пять европейских держав: Великобритания, Франция, Австрия, Пруссия и Россия, поскольку именно они преимущественно управляли политической жизнью Европы. Речь идет о знаменитом «Европейском концерте» как системе международно-правового регулирования межгосударственных отношений. Отличительной чертой этой системы международных отношений (так называемой «концертной дипломатии») стала необходимость согласия великих держав на любые территориальные изменения в Европе (Romanova, 2016:7—17).

До 1919 г. «великие державы» решали кардинальные международные проблемы на конференциях, по результатам которых они заключали между собой международные договоры. Остальным странам, имевшим статус цивилизованных наций, автоматически предлагалось признать тот порядок, который устанавливался этими договорами. В 1919 г. была создана Лига Наций как постоянный международный орган, призванный в том числе решать вопросы, которые ранее решались на конференциях «великих держав». Преемником Лиги Наций с 1945 г. стала Организация Объединенных Наций. И вплоть до настоящего времени «великими державами» считаются постоянные члены Совета Безопасности

² Дипломатический словарь: в 3 т. Т. 3 / ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов, С.Л. Тихвинский. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 752 с.

ООН — Россия, США, Великобритания, Франция и Китай, на которых лежит ответственность за сохранение международного мира и безопасности³.

Как отмечается в Юридическом словаре, «великие державы» — это такие государства, которые благодаря своему военно-политическому потенциалу оказывают определяющее влияние на систему международных и международно-правовых отношений. После Второй мировой войны великими державами формально считаются постоянные члены Совета Безопасности ООН: РФ (СССР до 25 декабря 1991 г.), США, Великобритания, Франция и Китай. Современный статус великой державы не противоречит принципу суверенного равенства государств, а представляет собой политико-правовое отражение их реальной роли в международной жизни. Особое положение великой державы, закрепленное в Уставе ООН, формально объясняется лежащей на них главной ответственностью за поддержание мира и всеобщей безопасности. Соответственно вытекающим из этой ответственности обязанностям великие державы наделены особым правом, воплощенным в принципе единогласия этих стран в Совете Безопасности ООН⁴.

В зарубежной политико-правовой науке приняты другие подходы к определению «великой державы». Так, по мнению Конгъян Цай, следует различать великие и малые державы. Отсутствие формально-юридического критерия, по мнению китайского юриста-международника, не мешает мировому сообществу знать перечень великих держав. Так, государства, входящие в G-7 (Франция, Германия, Италия, Япония, Великобритания, США и Канада) необходимо отнести к великим. Другие государства, входящие в G-20 (Аргентина, Австралия, Бразилия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, Турция, ЮАР, Южная Корея, Европейский Союз) следует отнести к влиятельным государствам. Остальные государства являются малыми державами.

Великие и влиятельные государства могут сопротивляться нормам международного права (отказываться от заключения невыгодного международного договора или выходить из него), и для них оно является «слабым правом». В своей деятельности они руководствуются политической целесообразностью (нормами «Realpolitik»). Малые государства обязаны придерживаться принципов и норм международного права (Congyan, 2013:755—795).

Как отмечал известный отечественный юрист-международник И.И. Лукашук, в зарубежной доктрине встречаются явно противоречащие международному праву оценки роли великих держав. По мнению С. Гоффмана: «В международных джунглях лев, а не петух прокладывает путь. Остальные по желанию могут исключительно следовать за ним или умолкнуть, когда он рычит». Профессор Гавайского университета М. Гаас повествовал: «В наибольшей степени могучие державы берут на себя роль правотворцев или правонарушителей; менее могучие государства должны быть удовлетворены ролью соблюдающих нормы или предлагающих к ним поправки» (Lukashuk, 2004).

³ Дипломатический словарь: в 3 т. Т. 3 / ред. А.А. Громыко, А.Г. Ковалев, П.П. Севостьянов, С.Л. Тихвинский. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1986. 752 с.

⁴ Большой юридический словарь / сост. В.Н. Додонов. М., 2001. Режим доступа: https://juridical.slovaronline.com/863-VELIKIE_DERZHAVYI (дата обращения: 15.04.2021).

С формально-юридической точки зрения определить перечень великих держав можно посредством расширительного толкования ст. 23 Устава ООН, согласно которой Китайская Республика, Франция, Союз Советских Социалистических Республик (ныне — Российская Федерация), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. Логика рассуждений здесь простая. Если вышеуказанным государствам легально доверены судьбы мира, значит их следует считать самыми сильными государствами на планете — «великими мировыми державами».

Перечень ведущих региональных держав можно обнаружить посредством анализа политико-правовых доктрин, действующего законодательства и практики его применения. Так, согласно европейской концепции «Европа разных скоростей» четыре государства являются локомотивами Евросоюза (Германия, Франция, Италия и Испания), а остальные государства в силу их отставания в экономическом, правовом и социальном развитии играют роль догоняющих в евроинтеграции. Европейская бюрократия позволяет государствам-аутсайдерам постепенно эволюционировать в сторону европейских ценностей. Например, католической Польше разрешается временно не ратифицировать те акты европейского права, которые закрепляют за женщиной абсолютное право на аборт. Ведущие европейские державы через институты Евросоюза диктуют свою волю другим странам Европы, посредством принятия обязательных для исполнения директив ЕС.

Правовая экспансия великих держав

В двусторонних отношениях «великая держава — малая держава» («сильное государство — слабое государство» или «метрополия — колония») интересным предметом исследования с точки зрения теории права выступает проблема правовой экспансии (Karnaushenko & Trikoz et al., 2019).

Правовая экспансия, по мнению Л.В. Сокольской, представляет собой такую форму правовой аккультурации, при которой предполагается насильственное одностороннее навязывание одному обществу или его части определенных элементов правовой культуры другого социума. Автор приводит ряд признаков, по которым экспансия отличается от других форм правовой аккультурации: 1) она представляет собой насильственное навязывание культурно-правовых форм социума-донора силовыми средствами; 2) сопровождается отрицанием государственного суверенитета и национальной правовой культуры социума-реципиента; 3) нарушает системность национального права, порождает дуализм правовой системы социума-реципиента; 4) диктуется не потребностями общества-реципиента, а служит упрочению социально-экономических и политико-правовых позиций социума-донора (Sokolskaya, 2014:13—38).

Примеров правовой экспансии множество. Она известна еще с незапамятных времен, например, когда в 1066 г. под предводительством герцога Вильгельма было совершено нормандское завоевание Англии, в результате которого захватчики стали отменять старинные правовые обычаи и местные

традиции англосаксов, положив начало формированию английского общего права. Другой пример, когда во времена Великих крестовых походов 1096—1272 гг. среди покоренных народов (как правило, мусульман и язычников) активно насаждалось не только христианское вероучение, но и некоторые институты западноевропейского права.

В эпоху развития империализма, как пишет О.А. Жидков, метрополии вместе со своими товарами, капиталами и идеями экспортировали и свое право, насаждали его силой в колониях, протекторатах, оказавшихся в зависимости от европейского капитала (Zhidkov, 1971:31).

С политико-юридической точки зрения правовая экспансия представляет собой навязывание права сильного государства слабому государству в качестве действующего нормативно-правового регулятора с целью облегчения его управляемости. Правовая экспансия — это невоенный способ захватить другое государство и легитимно подчинить его своей воле. Юридическая логика здесь следующая. Право в политико-правовом смысле есть закрепленная в законе воля конкретного народа (государства). При распространении национального права сильного государства на территорию других государств покоренные народы посредством правовых средств принуждаются покоряться воле чужеземцев. Политико-правовая тонкость ситуации заключается в том, что де-юре покоренный народ на территории собственного государства обязывается соблюдать иностранное право как свое собственное, поскольку в результате правовой экспансии оно становится частью его правовой системы.

Разумеется, в большинстве случаев правовая экспансия маскируется под просветительско-цивилизационную миссию, например, «богоизбранного народа» или «просвещенного государства», оправдывается благими целями: распространение христианского вероучения у отсталых народов; защита прав и свобод человека и гражданина, продвижение идеалов демократии, построение правового государства, юридическая защита собственности и бизнеса и т. д.

И даже терминологически ее предпочитают называть более благозвучно — «правовая аккультурация», которая должна представлять собой добровольную рецепцию слабым (отсталым в правовом развитии) государством лучших зарубежных юридических образцов (идеальные кодексы, беспробельно регламентирующие все сферы общественных отношений вместо правовых обычаев; суд присяжных, всегда выносящий справедливый приговор вместо суда мелких вождей; разделение властей, гарантирующее гражданам защиту от всесильного государства, вместо совета старейшин и т. д.).

Как правило, в процессе правовой экспансии речь идет о навязывании более прогрессивных (с точки зрения сильного государства) правовых идеалов, законодательных актов и юридических учреждений отсталому в правовом развитии слабому государству. На практике это может выглядеть следующим образом: 1) отмена действующих в слабом государстве традиционных источников права (например, отказ от обычного права, объявление правового обычая пережитком прошлого, установление санкции за следование отмененному правовому обычаю); 2) отмена религиозных источников права (например, деисламизация права отдельных мусульманских государств) и попытка заменить их светскими

источниками сильных государств; 3) упразднение или даже объявление вне закона как устаревших существовавших ранее (традиционных) способов разрешения спорных ситуаций и юридических конфликтов; 4) кодификация права слабого государства (без учета его исторической и религиозной специфики) по западному типу, ликвидация традиционных правовых институтов; 5) учреждение законодательных, судебных и правоохранительных органов, функционирующих по западному образцу.

Вполне очевидно, что все вышеуказанные действия совершаются государством-агрессором с целью разрушения действующего в покоренном государстве политико-правового кода. И со временем навязанный слабому государству кодекс оказывается сильнее и эффективнее острого меча завоевателя.

Яркими примерами правовой экспансии являются следующие: реформирование права африканских стран в период их колонизации по европейским юридическим канонам; навязывание правовой системе Индии английских правовых стандартов в эпоху Британского владычества (Trikoz & Krashennikova, 2020); реформа конституционного права Японии (после Второй мировой войны), подготовленная американскими юристами; принуждение бывших социалистических стран после распада СССР полностью отменить действующее социалистическое право; принуждение некоторых мусульманских стран постепенно отказываться от исламских религиозно-правовых ценностей в пользу западных правовых идеалов.

С академической точки зрения можно сделать следующий вывод. Реальная возможность сильного государства осуществить правовую экспансию дополняет анализируемый нами концепт важным признаком — способностью юридического влияния сильного государства на правовые системы других стран. Вполне очевидно, что слабые государства такой способностью не обладают. Более того, некоторые из них даже не в силах сопротивляться правовой экспансии.

Усиление государства посредством права

Обсуждая с политико-правовой точки зрения концепт сильного государства, важно определить основные тенденции усиления отдельных направлений внешней и внутренней политики государства, которые легко выявить посредством анализа специально принятых законов и иных политических источников права. Например, как отмечает известный специалист по китайскому праву П.В. Трошинский, в сфере защиты государственной целостности в Китае был принят специальный Закон «О противодействии расколу страны» 2005 г., направленный на борьбу с «независимостью» Тайваня (не признанная большинством стран мира «Китайская Республика на Тайване»). Этот правовой документ закрепил юридическую возможность применения Китаем военной силы для обеспечения территориальной целостности государства (Troshchinsky, 2016:26).

В большинстве случаев государство стремится усилить свою легитимность для более эффективного осуществления правоприменительных функций на основе законов. Как правило, речь идет о принятии законодательства, направленного на более активное решение «застарелых недугов» конкретного государства

(например, борьба с мафией в Италии, противодействие коррупции в Китае и др.) либо о решении злободневных проблем современности (например, политико-правовой аккультурации беженцев в Западной Европе, противодействие США экономическому и геополитическому влиянию России и Китая и др.).

Проиллюстрируем вышесказанное конкретными ссылками на законодательство. Так, политика усиления борьбы с мафией в Италии осуществляется на основе: Закона № 646 о криминальном сообществе типа мафии 1982 г., криминализовавшем создание и участие в мафиозном сообществе; «Закона Ла Торе» 1983 г. о проверке источников доходов у главарей мафии и конфискации полученных ими преступных доходов; Закона № 162 о борьбе с наркомафией 1990 г., усиливающего ответственность наркобаронов; Закона №356 «Положения о борьбе с мафией» 1992 г., ужесточающего ответственность за участие в мафиозных кланах.

Политика усиления борьбы с радикальным исламизмом во Франции базируется на основе Закона Франции «Об укреплении республиканских принципов» 2021 г. Данный акт существенно усиливает роль принципов светского государства в сферах классического образования, свободы прессы, семьи и правоохранительной деятельности.

Закон ФРГ о толерантности в сфере образования и занятости 2020 г. направлен на адаптацию беженцев к нормальной жизни на территории Германии, на предотвращение совершения противоправных деяний, обусловленных не западным правовым менталитетом въехавших в страну иностранцев.

Закон США «О противодействии врагам Америки посредством санкций» 2017 г., по старой доброй английской традиции, ведущей свое начало еще с *Rex Britannica* (политика британского доминирования на море и в международных отношениях) нацелен на укрепление международного могущества США посредством экономического и геополитического притеснения государств, не признающих мировую гегемонию США.

Что касается России, то в СПС «КонсультантПлюс» в настоящее время содержится более 50 законодательных актов, направленных на правовое регулирование усиления российского государства при осуществлении им определенных функций. Как правило, это подзаконные акты об усилении контроля, прокурорского надзора, государственного регулирования актуальных вопросов в различных сферах, а также законодательные акты об ужесточении отдельных мер юридической ответственности.

Разумеется, с точки зрения объективности в предмет правового познания концепта сильного государства должно попадать и законодательство, направленное на либерализацию или гуманизацию отдельных сфер социальной жизни. Представляется, что данная политика есть не результат ослабления государства, а свидетельство достижения им ранее поставленных целей и перехода к новой политико-правовой стратегии. Например, в уголовно-правовой сфере, как указывает П.В. Трощинский, в Китае проводится новая политика «Меньше убивать, осторожней убивать», направленная на ограничение смертной казни. Принятые в феврале 2011 г. поправки в действующий УК КНР отменили высшую меру наказания по 13 составам экономических преступлений (преступления

ненасильственного характера). Таким образом, общее количество составов преступлений в КНР, по которым лицо может быть приговорено к смертной казни, снизилось с 68 до 55, т. е. на 19,1% (Troshchinsky, 2016:28).

Заключение

Сильное государство во внутривнутриполитическом измерении («эффективное государство»), это государство, которое (1) является легальным и легитимным для своего населения; (2) эффективно осуществляет свои функции; (3) в процессе своей деятельности пользуется преимуществами права сильного; (4) не допускает войн и революций политических и экономических кризисов (или успешно их преодолевает).

Усиление государства, как правило, выражается в нескольких сферах: в законотворческой политике, направленной на оперативное принятие законов, необходимых в конкретно-исторический период времени; в политической сфере, направленной на проведение административной, судебной, правоохранительной и иных реформ с целью повышения эффективности работы государственного аппарата; в информационной политике, направленной на легитимацию существующей власти, создание положительного образа руководителей государства, политическую пропаганду, изобличающую недружественные намерения тайных или явных врагов конкретного государства; в повышении эффективности налоговой, уголовно-правовой и правоохранительной политики.

Во внешнеполитическом измерении сильное государство (сверхдержава) характеризуется следующими признаками: 1) успешно защищает свой суверенитет; 2) имеет большое влияние на субъектов международного права (посредством заключения либо намеренного не заключения двусторонних договоров о дружбе и сотрудничестве, о взаимной правовой помощи и др.); 3) имеет большой «политический вес» в коллегиальных международных органах и организациях (ООН, ВТО, Интерпол и др.); 4) может нарушать нормы и принципы международного права, ставя свои национальные интересы выше интересов мирового сообщества; 5) может не исполнять свои обязательства по международным договорам, руководствуясь собственными политическими, экономическими, военными интересами; 6) осуществляет правовую экспансию в отношении других государств; 7) доминирует в информационной сфере, навязывая свое мировоззрение, политические и правовые идеалы.

«Сильное государство» является самостоятельным и самодостаточным концептом и не нуждается в попытках выразить его суть и роль через другие политико-правовые феномены (например, такие как тоталитарный режим, диктатура или правовое государство). Образно выражаясь, чемпион мира по борьбе (сильное государство) может быть и преступником (тоталитарным государством), и полицейским (полицейским государством), а также работать депутатом парламента (правовым государством).

Таким образом, «сильное государство» — это государство, эффективно использующее любые правовые средства в собственных политических интересах для осуществления возложенных на него функций. Концепт «сильного

государства» необходимо продолжать исследовать как с академической целью, так и с целью выявления его достоинств и недостатков. Важнейшее практико-прикладное значение данного феномена состоит в том, что теоретик права и юрист-конституционалист вооружаются критериями «сильного государства», которые в конкретно исторический момент времени позволят определить тревожное уменьшение его легитимности или ослабление эффективности его главных функций и предложить законодателю и правоприменителю пакет юридических мер по укреплению государственности. Выделенные нами выше критерии «сильного государства» могут также помочь политикам и юристам-международникам прояснить смысл и природу юридически значимых действий «великих держав» на международной арене, увидеть реальные причины нарушения ими норм и принципов международного права, наметить стратегию взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества. Утилитарность концепции «сильного государства» очевидна и бизнес-юристам при решении вопроса о целесообразности сотрудничества с зарубежными партнерами. Вполне очевидно, что «слабое государство» не сможет гарантировать сохранность иностранных инвестиций, основные права и свободы российских граждан и правовую безопасность бизнеса в целом.

Изучение концепта «сильного государства» имеет и важную дидактическую составляющую. В большинстве отечественных и зарубежных учебников по теории государства и права, конституционному и международному праву, к сожалению, отсутствует обстоятельное изложение признаков сильного государства, не достаточно детально анализируется его роль и значение в современном национальном и мировом правопорядке. Как правило, не уделяется должного внимания теоретическому анализу таких ключевых категорий, характеризующих данный концепт, как легитимность и легальность государства, национальный и государственный интерес, право силы, правовая экспансия и др. Разумеется, указанный недостаток учебной и академической литературы следует устранить и оперативно вооружить будущих юристов современными знаниями о «сильном государстве» и его роли в политико-правовой действительности.

References / Список литературы

- Alekseev, S.S. (1998) *Philosophy of Law*. Moscow, Norma Publ. (in Russian).
Алексеев С.С. Философия права. М.: Норма, 1998. 336 с.
- Baev, V.G. (2018) “Strong state” in the political and legal views of the German chancellor Otto von Bismarck. *Law: history and modernity*. (4), 74—82. (in Russian).
Баев В.Г. «Сильное государство» в политико-правовых взглядах германского канцлера Отто фон Бисмарка // Право: история и современность. 2018. № 4. С. 74—82.
- Belov, L.P. (2019) Strong State: Towards Building a Theoretical Model. *Management Consulting*. (4), 114—122. (in Russian).
Белов Л.П. Сильное государство: к построению теоретической модели // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 114—122.
- Congyan, Cai (2013) New Great Powers and International Law in the 21st Century. *European Journal of International Law*. 24 (3), 755—795.
- Farkhutdinov, I.Z. (2016) International law and the US doctrine of preventive self-defense. *Eurasian Law Journal*. 2 (93), 23—31. (in Russian).

- Фархутдинов И.З.* Международное право и доктрина США о превентивной самообороне // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 23—31.
- Fedorov, S.M. (2018) French experience of a “strong state” (To the 60th anniversary of the adoption of the constitution of the Fifth Republic). *Law: history and modernity*. (4), 124—130. (in Russian).
- Фёдоров С.М.* Французский опыт «сильного государства» (К 60-летию принятия конституции Пятой республики) // Право: история и современность. 2018. № 4. С. 124—130.
- Fukuyama, F. (2006) *A Strong State: Governance and World Order in the 21st Century*. Moscow, ACT Publ., Khranitel’ Publ. (in Russian).
- Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 220 с.
- Ham van, C. & Seim, B. (2017) Strong states, weak elections? How state capacity in authoritarian regimes conditions the democratizing power of elections. *International Political Science Review*. 39 (1), 49—66.
- Hobbes, T. (2001) *Leviathan, or Matter, Form and Power of the Church and Civil State*. Translated by A. Guterman. Moscow, Mysl’ Publ. (in Russian).
- Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Перевод А. Гутермана. М.: Мысль, 2001. 478 с.
- Karnaushenko, L.V., Trikoz, E.N., Shvets, A.A. & Yablonsky, I.V. (2019) *Legal systems of the states of the Commonwealth of Nations (Australia, Canada, India)*. Krasnodar, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russian).
- Правовые системы государств Содружества Наций (Австралия, Канада, Индия) / Л.В. Карнаушенко, Е.Н. Трикоз, А.А. Швец, И.В. Яблонский. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. 60 с.
- Kerimov, A.D. & Kuksin, I.N. A strong state as a determining factor in social progress. Moscow, Norma Publ. 2018. (in Russian).
- Керимов А.Д., Куксин И.Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М.: Норма, 2018. 96 с.
- Kravchenko, L.I. (2015) Indicative assessment of the effectiveness of public administration. *Successful development of social systems and public policy and governance. Materials of the All-Russian scientific and public conference*. 358—365. (in Russian).
- Кравченко Л.И.* Индикативная оценка эффективности государственного управления // Успешность развития социальных систем и государственная политика и управление: материалы Всероссийской научно-общественной конференции. 2015. С. 358—365.
- Lukashuk, I.I. (2004) *Modern law of international treaties*. Vol. 1. Moscow, Volters Kluver Publ. (in Russian).
- Лукашук И.И.* Современное право международных договоров. Т. 1. М.: Волтерс Клувер, 2004. 658 с.
- Malinovsky, A. & Trikoz, E. (2020) International Treaty Rulemaking as a Political Process: History and Theory Issues. *International Trends*. 18. (2(61)), 6—30. Doi 10.17994/IT.2020.18.2.61.2
- Mathieu, B. (2021) *Right versus Democracy?* Trans. Lebedeva Ya.I.; Kovler A.I. (ed.). Moscow, Norma Publ. (in Russian).
- Матьё Б.* Право против демократии? / пер. с фр. Я.И. Лебедевой; под ред. А.И. Ковлера. М.: Норма, 2021. 198 с.
- Noskov, E.G. (2011) Ontology of power: totality and symbolic nature of power relations. Diss.... Doctor of Philology. Cheboksary, Chuvash State University. (in Russian).
- Носков Э.Г.* Онтология власти: тотальность и символический характер властеотношения: дисс. ... д-ра философских наук. Чебоксары, Чувашский государственный университет, 2011. 311 с.
- Ponkin, V. (2018) Strong state. *Law and state*. 1—2 (78—79), 55—56. (in Russian).
- Понкин И.В.* Сильное государство // Право и государство. 2018. № 1—2 (78—79). С. 55—56.

- Romanova, E.V. (2016) Interpretations of the “European Concert” in British and American historiography of the 20th century. *Bulletin of MGIMO University*. 1 (46), 7—17. (in Russian).
Романова Е.В. Трактовки «Европейского концерта» в британской и американской историографии XX века // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 1 (46). С. 7—17.
- Sokolskaya, M.V. (2014) Legal expansion as a historical form of legal acculturation. *Actual problems of Russian law*. 7 (44), 13—38. (in Russian).
Сокольская М.В. Правовая экспансия как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 13—38.
- Trikoz, E.N. & Krashennnikova, N.A. (2020) Comparative Criminal Law (India): Student book. Moscow, Yurait Publ. (in Russian).
Трикоз Е.Н., Крашенинникова Н.А. Сравнительное уголовное право (Индия): учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2020. 179 с.
- Troshchinsky, P.V. (2016) Modern legislation of the PRC: problems and development prospects. *Journal of foreign legislation and comparative jurisprudence*. (3), 24—31. (in Russian).
Трощинский П.В. Современное законодательство КНР: проблемы и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 24—31.
- Zagainov, E.T. (2006) Preemptive Self-Defense in the Western Doctrine of International Law. *Moscow Journal of International Law*. (2), 29—45. (in Russian).
Загайнов Е.Т. Упреждающая самооборона в западной доктрине международного права // Московский журнал международного права. 2006. № 2. С. 29—45.
- Zhidkov, O.A. (1971) *The history of bourgeois law (before the period of the crisis of capitalism)*. Moscow, Nauka Publ. (in Russian).
Жидков О.А. История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма): Учебное пособие. М.: Наука, 1971. 155 с.

Об авторе:

Малиновский Алексей Александрович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения, Международно-правовой факультет, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; Российская Федерация, 119454, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 76; эксперт, Российская академия наук; Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 14

ORCID ID: 0000-0002-2376-0956; Scopus ID: 57200550672; Researcher ID (WoS): AAM-9269-2021

e-mail: Dr.malinovsky@yandex.ru

About the author:

Aleksey A. Malinovsky — Doctor of Legal Sciences, Head of the Department of Theory of Law and Comparative Law, International and Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; Expert of the Russian Academy of Sciences; 14 Leninsky Prospect, Moscow, 119991, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-2376-0956; Scopus ID: 57200550672; Researcher ID (WoS): AAM-9269-2021

e-mail: Dr.malinovsky@yandex.ru